

Но «завтра» я не приехал. Моё наваждение исчезло наутро, породив чувство вины перед моей второй половиной. И как я мог так поступить? Как я мог, не задумываясь о правильности своего поступка, позволить любопытству и похоти управлять мной? Это не должно было повториться. Желательно — никогда. И, тем более, без моей инициативы. И вообще, о какой инициативе вообще идёт речь?

Касание... второе... третье... Издевательские, по внутренней части моей руки, ведь я имел неосторожность закатать рукава рубашки, так, что хочется закусить губу от отчаяния. Мы на виду, и так слишком, на мой взгляд, близко... Он рядом. Снова.

Иногда мне на самом деле хочется вникнуть в него, проникнуть, чувствуя горячую кожу его под холодными своими пальцами, под ласками августовской прохлады, под гнётом вечернего света, мягко лежащего на плавные изгибы тел. Но для этого нужно быть не здесь. И всё-таки, наверное, не мной.

Дыхание. По шее, по раковине уха, я чувствую его близость, и сердце гулко стучит в висках, он кладёт руку на моё плечо, я... спокойно высвобождаюсь. Делаю то же, что делаю всегда, что делаю каждый раз в течение вот уже почти полугода с момента нашей первой встречи, делаю осознанно, не желая всё усложнять. Он вовсе не настойчив, и, видимо, не так уж и спешит, он безупречно молчалив, и каждый раз я вижу его спину на лестнице. Его, и кого-нибудь ещё, кто безмолвно и покорно следует за ним на третий этаж, в ту самую комнату.

Никакой регулярности — я мог встретить его, мог не встретить. Иногда больше месяца относительного спокойствия плавно проходило мимо, но никогда за всё это время я не встречал его здесь с женой, даже не видел его с женщиной, что стало казаться мне странным, и ещё периодически я уворачивался от жарких объятий в тесных закутках Клуба, а сам гнал от себя исключительно безумные мысли, что посещали безвольную голову в минуты моей слабости.

И все наши мимолётные встречи, не считая его посягательств на моё тело, проходят будто по одному сценарию. Ему всегда очень хочется сказать «Исчезни!», или «Скажи что-нибудь!», или «Иди к чёрту!», но, втягиваясь в совершенство безмолвия, окутавшее нас, так не хочется нарушать его такими нелепостями, поэтому, так и не получив моего одобрения, он всегда удаляется обратно — в гуцу толпы, за новой добычей. А я сжимаю до сведения мышц его платок в моём кармане, чтобы на кончиках пальцев остался его почти выветрившийся запах, ревностно храня память о той безудержной ночи, и корю себя иногда за излишнюю моральную стойкость, наблюдая, как губы моей благоверной встречаются с чьими-то чужими губами...

Игра продолжается дальше. Пока я веду в счёте, но надолго ли меня хватит?

Мне хочется верить, что она не замечает его тени за мной, не видит моей нервозности, когда мы возвращаемся туда, не думает о том, как я свободно вздыхаю, когда он находится вне поля моего зрения. Я прекрасно обхожусь без упоминаний о нём, без этого выедающего всю душу воспоминания, но когда замечаю его фигуру в толпе, в голове всё перемешивается и становится похожим на вязкую пресную манную кашу. И мне хочется думать, что и это ускользает от её цепкого взгляда, пока она занимается другими, пока на её бёдрах оставляет синяки чья-то излишне наглая пятерня...

Она никогда не говорит им, что я наблюдаю за ней. Не желает смущений или «игры на публику». Я могу её понять — не уверен, что заниматься чем-то подобным на глазах у мужа есть очень приятная перспектива, если только вы не любите, что за вами наблюдают. Мы стараемся конспирироваться, и меняющаяся время от времени публика не слишком беспокоится о том, рядом я или нет, поскольку сторонние наблюдатели здесь вряд ли кого удивят.

— Да... — слышу её выдох, на этот раз они в опасной близости от меня и моей тени (или наоборот?), и я могу видеть капли пота на пояснице очередного любовника. Лицо супруги скрыто волосами, но вскоре она откидывает их со лба одним порывистым движением. Ногти впиваются в широкую спину, оставляя на коже красноватые полосы, ладони скользят, еле цепляясь за него, но нужно удержаться, раскрыться, податься на него полностью, отдать всю себя, чтобы затем почувствовать внутри его липкую тёплую сперму...

— Темпераментная. — Навязчивый шёпот возле уха. Заговорил первым, не смог не прокомментировать. — Послушная — видишь, как идёт за мужчиной. И ей нравится, действительно нравится.

Да, ей нравилось. И я об этом знал гораздо больше него, только сейчас не хотелось это обсуждать — не тот момент, не то настроение. Я бы предпочёл, чтобы он немедленно развернулся и ушёл, но не могу же я его заставить? Или... могу?

Живое порно с участием моей жены было странно видеть именно из-за его присутствия за моей спиной. Всё усугублялось ещё и моим исключительным любопытством — интересно, что думает он, смотря на неё, кроме тех очевидностей, которые он произнёс только что? Что видит, чувствует, глядя, как муж смотрит на грехопадение своей жены в таком развёрнутом ракурсе, в такой степени видимости, муж, который всего каких-то полгода назад сам был ведомым, сам был на её месте? Что мы — сумасшедшая парочка, или что мы очень современные, раскрепощённые и все тому подобные эпитеты, должны красиво обозначать обычное прелюбодеяние? Или он сам не лучше, и его вторая половина тоже очень любит пошалить с кем-нибудь другим? В одном я был уверен на всю сотню процентов — он не мог оставаться равнодушным, видя мою жену вместе с этим незнакомцем. Он заметил, что ей нравится. Но это нравилось ему не меньше, судя по блеску его светлых глаз. Прошло ещё несколько долгих минут, прежде чем он убрал руку с моего плеча и развернулся в сторону лестницы. Я вздохнул, обернувшись, чтобы в очередной раз увидеть его бесстрастно удаляющуюся фигуру, и вернулся к моей супруге.

Рука по бедру, её спутник ускоряется. В полуметре от меня моя супруга с другим мужчиной... Ближе было только в самый первый раз... Когда моя жена на грани, она часто облизывает губы кончиком языка, вот и сейчас — быстро, неуловимо, увлажняет губы, он целует её, ещё немного ускоряет темп, и...

— Да! — всхлип, всплески эмоций, судорога дрожью по позвоночнику. Их общий вскрик смешался с плавным течением спокойной фоновой музыки. Она немного обмякла в сильных мужских руках, что мягко поддерживали её. И, оставив мою супругу на попечение её очередного кавалера, незамеченным я вышел из Клуба, почувствовав острую необходимость привести в порядок свои сумбурные мысли.

Город всё ещё спит, и никого на улице — тихо, лишь слышен редкий скрип шин по асфальту невдалеке. Московский август не грел, он издевался истинно майскими проливными грозами, мокрая мостовая словно скрипела под ногами. Мягкое оранжевое фонарное свечение

бликами стелилось по влажной дороге, я прохаживался неспешно взад-вперёд, вдыхал прозрачный воздух, смотрел задумчиво в растянутое лужное отражение предрассветной Москвы, растирал между пальцами платиновый обод обручального кольца... Размышлял, или пытался это сделать, во всяком случае, какие-то обрывки мыслей очень хотели сложиться в более-менее связную картину, только им что-то мешало. Меня действительно что-то мучило, вот только я никак не мог понять, что именно — мне не доводилось испытывать этого ранее. Возможно, само его присутствие выбивало меня из колеи нормального существования, я никак не мог смириться с ним, привыкнуть к мысли, что я переспал с женщиной — наверное, это оказалось для меня сложнее, труднее, чем хотелось бы мне думать...

— Ты боишься меня. — Беззастенчиво прервал меня голос, и осенняя прохлада этого голоса заставила меня вздрогнуть. Я и не думал, что услышу его снова сегодня. Он чиркнул зажигалкой, оперся на стену, закурил — терпкий сизый дым смешался с оранжево-фиолетовым сумраком, поглотив фонарное сияние, стало обманчиво темнее. Пиджак расстёгнут, ворот чёрной рубашки — тоже, галстука не было, левая рука прячется в кармане строгих брюк, пока правая деловито стряхивает серый пепел с чёрной сигариллы. Взъерошенный, явно после очередного партнёра — он источает секс, весь его вид говорит о том, что он только что кувыркнулся с кем-то в постели. Или, всё-таки не в постели? А там, в бархатистом, красноватом полумраке просторно зала, на кресле, или возле стены, или вовсе он поставил его на колени, и... Тряхнув головой, пытаюсь придать лицу невозмутимое выражение, я подхожу ближе, удивлённо приподнимаю брови: — С чего ты взял?

— Ты всегда избегаешь меня.

Я ухмыльнулся, промолчал. И как же объяснить ему, что это исключительно своих теоретически возможных оголтелых порывов я так опасался при наших с ним встречах, только их, а вовсе не волн его безграничного темперамента? Я не хотел стремительно сорваться в бездну ада, хотел удержаться на плаву какое-то время, я ведь зарекался больше не иметь с ним ничего общего после той встречи, и пока всё идёт согласно моим планам. Хватит с меня экспериментов, один из них и так ежемесячно требует новой крови, всё новых и новых мужчин.

— Скорее, я себя боюсь. — Он внимательно посмотрел мне в глаза. Холодный... И как я мог позабыть за это время об этой удивительной холодности? Неспешно затягивается, выдыхает струйку дыма в небо, следит за мной неотрывно:

— Почему?

Я неопределённо повёл плечами в знак того, что вряд ли смогу однозначно ответить на его вопрос. И сейчас было не самое подходящее время что-либо ему объяснять. Конечно, мне хотелось оставить ту ночь приятным воспоминанием о собственной непредсказуемости и взбалмошности, а не регулярным событием, хотелось возвращаться к ней мысленно время от времени, а платок воспринимать как особый сувенир, трофей, добытый мной после отчаянной битвы сил воли, любопытства и разума, где в итоге любопытство перешло все возможные границы. Но это оказалось не так легко, когда видишь его в толпе, когда он заново касается тебя безо всяких твоих разрешений, уверенный, что в самом деле имеет на тебя право, что может беззастенчиво заигрывать, что может творить всё, что вздумается, и оставаться безнаказанным лишь оттого, что ты однажды не сказал ему «Нет», остановив все его порывы. Невозможно оставить всё в собственной памяти, когда реальность манит в свои объятия, сулит новые соблазны, особенно когда он время от времени находится рядом.

— Ты будешь здесь завтра? — он затушил окурок носком ботинка.

Я молча кивнул, и он снова вошёл в здание, а я решил ещё немного прогуляться.

Мне хотелось успокоиться, я не понимал толком, отчего настолько разволновался — от его ли присутствия, от собственных ли эмоций, но мой быстрый пульс отчаянно не желал униматься. Шатаясь праздно вдоль улицы, так и не подобравшись толком ни к каким определённым выводам, я вернулся в обитель греха, толкнув массивную дверь...

И вдруг увидел мою жену и его — она сидела за стойкой бара, он что-то говорил ей, вежливо улыбаясь, но льдистые глаза были холоднее космоса. Супруга завлекающе улыбалась в ответ, изредка кидая заинтересованный взгляд на его ладонь, что лежала на её колене. Он не предпринимал попыток сдвинуть подол вверх, а лишь мягко поглаживал бордовую ткань платья, но жене это всё, разумеется, было по нраву. Я буквально замер на месте: он, она?... Не рискнув подойти ближе, я остановился у стойки бара, но он всё-таки заметил меня, сверкнул глазами в мою сторону, сказал что-то напоследок моей супруге, задержал губы на её ладони — надо же, какой галантный, — и неспешно удалился. А она подошла ко мне сама.

— Кто это? — я не выдержал первым, и задал волнующий меня вопрос, неотрывно глядя ему в спину. Супруга улыбнулась:

— Красивый, да? — и посмотрела ему вслед, но он уже поднялся на второй этаж. Её беззаботность немного раздражала.

— Что ему нужно? — видимо, вопрос мой прозвучал излишне сурово, поскольку супруга удивлённо приподняла брови.

— Ты никогда не интересовался никем, кто подходил ко мне раньше. — Сказала она задумчиво. — С ним что-то не так, или ты просто ревнуешь? — лукавый прищур из-под густых ресниц, игривая, тонкая, гибкая, разморенная, она напоминала мне самую красивую львицу-добытчицу из львиного прайда. Среди ленивых, напыщенных львов её невозможно было встретить — она любила тех, кто брал, не спрашивая, без долгих ухаживаний утаскивая в глубину зала. Мой невольный знакомец относился именно к такому типу.

— Ревную, — улыбнулся я, смягчившись, поцеловав её в губы, — и волнуюсь за тебя.

— Не бойся, со мной здесь ничего не случится. Ведь я с тобой.

Её уверенность удивила меня, но и обрадовала — она чувствовала себя в безопасности. Однако, никогда не решалась приезжать сюда одна — уж очень ей нравилось моё присутствие. Я был не против, так было лучше, и мне самому было спокойнее, и ещё я постигал глубины её сексуальности, видя её реакцию на то, как с ней обращаются, и точно знал, что она любит немного боли, немного грубости, немного грязи — ругательства, например, чего со мной себе не позволяла или не хотела позволять, я узнавал её с совершенно с другой стороны, и это знание было весьма полезным, кроме того — оно укрепляло наши отношения. Она словно говорила мне: «Вот она, я, перед тобой, нагая, незащищенная, со всеми своими страхами и потерями, переживаниями и радостями, откровенная, любящая секс с другими мужчинами, и доверяющая тебе на все сто процентов, на всю тысячу, поэтому открывшаяся, раскрывшаяся навстречу твоему безумному предложению, и завтра ты, я снова будем здесь»...

Словно читая мои мысли, супруга взяла меня за руку и повела в сторону выхода:

— На сегодня я наигралась. Вернёмся сюда завтра.

Да. Завтра.

Но завтра не наступало крайне долго. Вся оставшаяся недолгая ночь прошла в

бессмысленных метаниях, в попытках поставить всё на нужные полки, и в итоге я промаялся до семи утра, выпив литры чая на кухне, пока супруга мирно спала на нашем широком ложе. Я безуспешно пытался понять, что происходит в моей голове и почему меня не отпускает странное чувство тревоги.

Она разбудила меня под вечер — сказала моя усталость и бессонное утро, — мягко поцеловала:

— Просыпайся. Пора.

Всего лишь два слова, зато насколько задевают за живое — подробности вчерашнего вечера всплыли в памяти. Он... Он — настоящий, реальный, шепчущий на ухо, курящий, опирающийся о влажный камень Дома Удовольствий, его ранние попытки уговорить меня пойти наверх, снова... Чтобы повторить всё это безумие.

Я одевался медленно, внутренне желая оттянуть момент возвращения в Клуб — синяя рубашка с манжетами и воротом, отделанными под серебряный металлик, серебристый галстук, сапфировые запонки — подарок супруги на тридцатилетие, чёрный строгий пиджак, чёрные костюмные брюки, носки, туфли. Платиновое обручальное кольцо на правой руке, часы — ничего лишнего. Жена надела тёмно-синее длинное платье с соблазнительным вырезом сзади, и чёрные закрытые туфли на платформе, и убрала волосы наверх, а шею её украшала платиновая подвеска с бриллиантом, которую я дарил ей на годовщину свадьбы. Вместе мы смотрелись замечательно — оба одеты в тон, сразу видно, что мы пара, издалека можно почувствовать это — как мы разговариваем, как улыбаемся друг другу, как смотрим друг на друга. И мне хотелось насладиться минутами этого единения прежде, чем её отнимут у меня другие мужчины, чтобы терзать её соблазнительное тело, чтобы оставлять в ней своё семя... Мне хотелось насладиться ей, пока она не растворилась в сонме похотливых взглядов и не стала бы просто обыкновенной самкой, жаждущим секса животным.

Только секунды моего эгоистичного наслаждения были очень короткими, буквально невесомыми, и поэтому настолько ценными. Она упорхнула от меня через пятнадцать минут — с бокалом вермута, томная, грациозная охотница, жаждущая грубоватой мужской ласки, исчезла в толпе, чтобы вернуться оттуда с локонами, выбившимися из причёски, со стёртой помадой и сияющим удовлетворённым взглядом. Я отпустил её с миром, желая, чтобы ей было хорошо, а сам остался скучать у барной стойки, лениво изучая обитателей, которые вполне могут стать её партнёрами. Я нервничал, сам не зная, почему — то одёргивал пиджак, то ослаблял галстук, и редко прикладывался к бокалу коньяка, и смотрел, смотрел на них — холёных, неторопливых мужчин и женщин, что целовались, или просто разговаривали, только узнавая друг друга. Я не видел её — она ушла, не обернувшись, в многоликую мужскую компанию, и я обещал подойти чуть позже, что я, несомненно, сделаю, только... Допью свой коньяк. Но тут в поле моего внимательного взгляда на публику попала знакомая неуловимая фигура. Он продвигался быстро, лавируя среди переговаривающихся пар, и даже не взглянул в мою сторону. Любопытно, куда он так спешил? Может быть, сегодня я, наконец, встречу его вторую половину, какой бы она ни была? На миг приостановив своё порывистое продвижение, он обернулся и заметил меня, наблюдающего за ним неотрывно, будто вокруг больше никого не существует. Но, лишь улыбнувшись краями губ, он снова покинул предел моей видимости, что немало меня удивило. Он не подошёл. Это не было на него похоже — как только он видел меня, он стремился оказаться в зоне досягаемости, сократить между нами расстояние, приблизиться, а лучше коснуться своими прохладными пальцами не

защищённых от него частей моей кожи, и это вошло в негласную привычку, почти ритуал. Только не сейчас. Значит, сейчас его занимает что-то важнее. Возможно, оно и к лучшему? А возможно, я просто преувеличиваю собственную значимость, или, может быть, это не так, и он вскоре сам подойдёт ко мне... Я посмотрел на пустой бокал, который опустошил в один глоток. Что ж, ему придётся найти меня в зале, если ему от меня что-то будет нужно. Пора было признаться себе в том, что я не мог не привыкнуть к его настойчивому вниманию, поэтому любое изменение сценария было для меня в новинку.

Я решил исследовать любимое моей супругой место — тихий угол с креслом и журнальным столиком в глубине, где мог разместиться я, скрытый от посторонних густой тенью, и огороженной лестничным подъёмом стеной, на которую обычно опиралась она, оставляя бледные рваные полосы на фоне венозного бордо обоев. Мне захотелось её отыскать, попросить её сегодня надолго не задерживаться, сесть и прикрыть глаза в рассеянном полумраке, отдать себя на съедение ревностно-возбуждающим мыслям, чтобы они заполнили собой всё пространство черепной коробки без остатка. Но как только я приблизился к тому самому месту, я увидел её, и сердце моё готово было вырваться из груди от смеси гнева и досады — именно он стоял рядом с ней, он запустил свою любопытную руку в вырез её платья, он целовал её в шею... Меня затрясло от злости — неужели так необходимо отнять всё, что мне дорого, хотя, она всегда всех выбирала сама, и я понимал, чем он мог её привлечь, вот только эмоции мои не желали с этим мириться, внутри всё переворачивалось от досады. Я оказался в незавидном положении, ведь развернуться и уйти значило бросить её в самом начале, когда она так уязвима, чего я никогда ранее не делал, а остаться значило подвергнуть себя невыносимой пытке, наблюдая, как тот, что сам завлёл тебя к себе, теперь желает развлечься с твоей супругой. Но я не мог этому воспрепятствовать — я обещал, что она может делать что хочет и с кем хочет. Приняв решение, я бесшумно скользнул мимо них и опустился в кресло.

От его внимания я не смог ускользнуть — он сразу заметил меня, будто только и ждал моего прихода, ухмыльнулся, и продолжил целовать её персиковую кожу, но она не обернулась — стоя спиной ко мне, она прижималась к нему всем своим существом, и тихо вздыхала, целовала его в ответ, и всё сильнее хотела взять инициативу в свои руки. Теснее к нему прижавшись, она принялась расстёгивать его рубашку, целуя — нежно, не жадно, словно боялась, что он сбежит, если она будет действовать увереннее. Он принимал её ласку, одобрительно поглаживая её плечи и спину, одним движением он вытащил заколку из её причёски, и волнами на плечи ей легли её локоны, резко своей темнотой контрастируя с кожей... На моих глазах разыгрывалась прелюдия — красивая, и оттого пугающая, видеть то, как он касался её, было и невыносимо, и интересно. Она отвечала ему нежностью на его сдержанные порывы, но я всё равно видел, видел лёд в его глазах, когда он встречался со мной взглядом.

А он часто смотрел на меня — наблюдал за реакцией, и мне казалось, что я хорошо держался, и ни один мускул не выдал моё бешено колотящееся сердце, и то, что он искал во мне — ревность, злость, улеглись благодаря моему бесконечному доверию к моей супруге. Он — увлечение на одну ночь, на минуты желания, охватившего её тело, но никак не душу, и она не знала, какую роль играла его персоне в эпизоде из моей жизни, поэтому, ничего не подозревая, кинулась в его раскрытые объятия.

Они поцеловались — долго, сладко для них и мучительно для меня, она немного отошла в

сторону, и я увидел белый мрамор его тела под чёрной рубашкой. В тёплом электрическом свете его торс почти сиял, моя жена на фоне его была смуглее, её тело было золотистого оттенка, а изящная спина, по которой он проводил ладонью, была бархатистой на ощупь. Она ластилась к нему словно кошка, их бёдра соприкасались, он стянул с её плеча лямку платья и лифа, коснулся губами тёплой кожи, ласково провёл по бедру рукой, и она вся подалась навстречу ему. Всё это было как во сне: мне до конца не верилось, что это происходит наяву, на самом деле, в моей реальности, перед моими глазами, передо мной он собирается взять мою жену — так же, как это было... со мной?

Но нет, у них всё в открытую, никому из них не приходится привыкать к ощущениям и учиться чему-то новому. Всё известно и каждому понятно. В движениях его чувствуется уверенность, он знает, что делает, умело касается, ласкает розовые соски, языком проходит по шее... Её разморило от жарких прикосновений, понравилась его уверенность, то, как он обходился с ней, и она таяла в его руках. Я вцепился левой рукой в подлокотник кресла, и принял решение — я сейчас же должен уйти, немедленно, не теряя ни секунды. Он что-то нашёптывал ей на ухо, так, что жена заинтересованно повернулась ко мне, что-то сказала ему в ответ, и он улыбнулся. Мне совсем не понравилась эта его игривая улыбочка, не сулящая ничего хорошего.

Супруга подошла ко мне. Странно, неужели она сказала ему о нас? Пусть он, конечно, и так всё знает, но это было необычно с её стороны, обычно она вообще старалась не обращать внимания на моё существование рядом.

— Он попросил тебя не уходить и сесть чуть ближе... — сказала она. — Ему очень нравится, когда вот так наблюдают, представляешь, как нам повезло? — она игриво подмигнула мне, улыбнулась. Конечно, я не слишком разделял её энтузиазм, но, с другой стороны, я никогда не видел её такой воодушевлённой за всё время нашего здесь пребывания.

— Ты сказала, что я твой муж? — поинтересовался я. Вот что он задумал — помучить меня. Недаром мне не понравилась его холодная ироничная улыбка.

— Да, — она легко поцеловала меня, — а что?

— И ты тоже хочешь, чтобы я был ближе?..

Вместо ответа она нависла надо мной, чуть раздвинув ноги, взяла мою ладонь, коснулась ей между своих бёдер — очень жарко и влажно. Никаких сомнений — её тоже заводила эта мысль. Я вздохнул — чего не сделаешь ради того, чтобы ей было хорошо, чтобы она смогла утолить свой плотский голод и не вернуться в то кошмарное состояние. Я придвинулся — так, что смог разглядеть его тёмные соски. Моя благоверная скользнула языком по его шее, он обнял её, поцеловал в губы, она сняла с его плеч рубашку и небрежно кинула её мне. Запах его парфюма... только не это. Не это. Опять. Я отложил рубашку на стол, и продолжил смотреть.

Хотя иногда мне хотелось отвернуться. Время от времени я ловлю себя на мысли, что мне хочется закрыть лицо руками, и только его внимательный взгляд не даёт мне это сделать. Он следит за мной, успевая ласкать мою супругу, он касается губами её груди, поставив её боком — чтобы мне лучше всё было видно, ладонь его поглаживает её бедро, и, оголённая до пояса, она млеет от его неторопливой прелюдии, совершенно — как всегда, — забыв о моём присутствии. Вот только её очередной партнёр с лихвой компенсировал её забывчивость, почти неотрывно глядя на меня. Я понимал его интерес, но не хотел вступать с ним в игру. Наверняка его заводило то, что он откровенно ласкает жену того, кого полгода назад сам

совратил. И что этот «кто-то», вдобавок, наблюдает за этим процессом, слышит, как в чужих умелых руках стонет его супруга, как она хочет другого мужчину... Бесстрастно следя за происходящим, я ничем не выдавал собственного возбуждения, хотя в висках барабанным боем пульсировало неугомонное сердце, гоня горячую кровь к моему возбуждённому члену. Я невольно вспоминал вкус его кожи. То, как темнота перед глазами мешала и одновременно помогала понять, как действовать дальше. То, как он снял повязку, то, как он ласкал мой член губами, то, как изливался в меня — память вразнобой показывала картинки из прошлого, довольно умело примешивая их к моему нереальному настоящему. Я ведь на себе испытал то, что чувствует моя жена, вплоть до ощущений внутри неё, поскольку со мной было практически так же. Я знал, как он целуется, знал, как горячо шепчет на ухо, как любит ласкать всё тело языком и губами, помнил его запах, его касания, и это знание сейчас сводило меня с ума, пьянило, возбуждало и отрезвляло одновременно. Его длинные, аристократичные пальцы, которыми он входит в её тесное, скользкое лоно, так же разминали изнутри и меня... Дыхание перехватывает от этого осознания, я облизываю сухие губы, и он ловит взглядом этот мой мимолётный жест, верно истолковывая его в своём сознании, и улыбается мне самой бесстыдной улыбкой, которую я когда-либо видел в жизни, и от которой сладострастная дрожь пробегает по моей спине. Я выдал ему всего себя с потрохами — теперь он точно знал, что мне нравится всё происходящее.

Ему кажется, что она уже готова, и он входит в неё одним толчком, она вскрикивает, дёргается вперёд, но сильные руки крепко держат её за бёдра. Через минуту она доходит до оргазма — всё, теперь с ней можно делать что угодно. Опираясь о стену, она сладострастно стонет сквозь зубы, он не оборачивается на меня, и меня это устраивает. Я гоню прочь от себя никому не нужные мысли, и пытаюсь расслабиться...

Нельзя сказать, что меня никогда не возбуждало то, что я видел мою супругу с другими. Мне это нравилось, меня это заводило, мне было сладко и утомительно ждать её после таких вечеров и не накидываться на неё тут же, в пурпурной спальне или в каком-нибудь кресле у всех на виду. Я зверел — в буквальном смысле, — чувствуя на ней запах чужого мужчины и чужой спермы, но она предпочитала отдаваться мне исключительно после ванной, дома. Я понимал — она наверняка чувствовала себя неверной, или распутной, грязной, ей было непросто принять себя такой, поэтому она стремилась избавиться от следов своей легальной неверности. Но сейчас это был он, и мне было очень странно. С одной стороны — я знаю, каков он, знаю, что он только бездну удовольствия ей доставит, с другой же странно это знать. И одновременно думать о том, что я касался его так же, как она сейчас. Очень не хотелось признаваться в том, что можно повторить попробовать быть на её месте. Так, что внутри всё сладко сжимается от воспоминаний... Ей наверняка немного больно, судя по тому, что он держит её руки над головой и врывается, врывается на всю длину, так резко, насколько его хватает. Это быстрый, дикий, необузданный, сумасшедший секс, и моя супруга принимает в нём самое активное участие. Всё-таки, мне не верится до конца, что это происходит наяву.

Он снова шепчет что-то, она кивает — измученная, мокрая, дошедшая до финиша во второй раз, причём, ему пришлось поддержать её, чтобы она не упала. Я видел, как её затрясло, и уже хотел вскочить и сам подхватить её, но он успел вовремя. Сейчас же он поставил её на колени — грубовато, но она так любит, и нежная головка скользнула между губами... Ему не нужно было много времени, чтобы кончить, и вскоре он наполняет её рот — я слышу его гортанный стон, вижу, как дрожат его бёдра, как сжимаются пальцы, собирая её тёмные волосы на

затылке... «Жаль, — возникает в голове шальная, но возбуждающая, мысль, — я бы посмотрел, как он кончает в неё». Он взглянул на меня, ухмыльнулся, жена встала и подошла ко мне, наклонилась... Я заметил азартный блеск в её глазах и волнение.

Поцелуй... Я не брезговал целовать её после её любовников, и она всегда отмечала это, признавая, что я самый незакомплексованный муж в мире, но сейчас на языке я почувствовал горьковато-свежий привкус, и затем ещё, и ещё... Я усилием воли поборол желание оттолкнуть супругу, но, будучи шокированным, открыл глаза. являлся на самом деле, поскольку сам пошёл на всё это... Тягостно было ощущать то, что приходится врать, чтобы выглядеть на её фоне невинным, неприступным, но я так устал от этой лжи... Возможно, теперь ей бы хотелось, чтобы я участвовал в этом беспределе, но мне казалось, что тогда мы просто окончательно запутаемся. Я быстро прошёл мимо занятых собой пар или даже групп, вышел к бару, и меня вдруг сманили к себе такие узнаваемые руки...

— Понравился? — врасплох меня застиг шёпот, я останавливаюсь, и чужие ладони принимаются блуждать вдоль моих бёдер, он прижимается ко мне — яростно, желанно, томно, и от его присутствия, как это бывало ранее, перед глазами всё плывёт... Он сгребает меня, сбитого с толку, и оттаскивает — иначе не скажешь, — с дороги к выходу в какой-то тёмный угол, и я настолько ошеломлён, что не сразу начинаю сопротивляться.

— Что? — хрипло выдыхаю, пытаюсь вырваться, освободиться, отодвинуться, но он пресекает все мои попытки, держит за запястья — хищный, неумолимый, горячий...

— Вкус моей спермы. — Не медлит с ответом, напирая, удерживая, дыхание... Такое близкое, обжигающее... Я очнулся только тогда, когда он уже прислонял меня собой к стене.

— Что ты делаешь? — странный вопрос, конечно, и я понимал, почему он на него не отвечает, молча держа меня за талию и упираясь губами в мою шею, и в конце концов, его наглость меня разозлила.

Резко отстранившись, когда он ослабил хватку, я быстро направился прочь, но его рука снова схватила меня за запястье.

— Отпусти! — я попытался вырваться, резко дёрнувшись, но он перехватил и другую мою руку, заведя их за спину и снова прижав меня к стене. Как бы я ни боролся, он одерживал верх, и в конце концов я выдохся, перестав дёргаться.

— Так-то лучше, — заметил он, — ты же знаешь, ничего плохого я тебе не сделаю.

— Мне ничего от тебя не нужно. — Ослабился я. Он коснулся губами моей щеки, я постарался отвернуться. Горячее дыхание обожгло кожу.

— А мне — нужно. — Улыбнулся он. — Расслабься, ты так напряжён...

Я закрываю глаза. Не хочу его видеть... Пусть это и вызывает у меня ассоциации с той ночью. Его руки потихоньку, не сразу, отпускают меня, мягко ложатся на плечи, снимают мой пиджак и фиксируют им запястья сзади, так, чтобы мои руки вообще ни в чём не участвовали. Он медленно расстёгивает пуговицы на моей рубашке. Я чувствую, как моё тело начинает отвечать на его знакомые прикосновения, ведь после сцены с ним и моей женой я ещё не совсем отошёл. Но разуму не по нраву моё новое приключение, он кричит, что я как-то должен прервать это безобразие.

Негромко играет музыка, полутьма. Мимо нас никто не проходит, мы относительно одни, и я слышу лишь мелодичность классики и наше обоюдное дыхание. Что он будет делать? Пока он просто проводит руками по моей груди... Задерживается на сосках, поигрывает с ними пальцами, наклоняется, лижет меня в шею, я приоткрываю глаза, чувствую его горячие губы,

вижу темноволосый затылок, разум всё ещё не даёт мне поддаться ему полностью, но, тем не менее, я вздыхаю коротко, когда его влажный, нежный язык приходит на смену дразнящим пальцам. Он целует, покусывает, прокручивает мои соски, и я вжимаюсь в стену, хватаюсь за неё моими связанными руками, царапаю кровавый винил обоев... Холод стены немного отрезвляет меня, и я не теряю способности мыслить, но его ласки настойчивы и приятны, я наслаждаюсь, вопреки всей ситуации, пока его губы исследуют моё полуобнажённое тело. Он молчит, больше не говорит ничего, и какие же слова нужны в этом тёмном углу? Я в его власти, но всё-таки дёргаюсь, когда он касается ладонью моей промежности, и сквозь слои ткани изучает меня, мою бесстыдную анатомию, и меня пронзает током, когда он, чуть наклонившись, шепчет на ухо, губами касаясь раковины:

— Ведь ничего плохого в этом нет... — и проводит всей ладонью, с нажимом, вверх-вниз.

Я ещё не отошёл от волн предыдущего возбуждения, как на меня стали накатывать новые. Он мучил меня, играя, будто котёнок с полумёртвой мышью, срывая с моих губ робкие, нежелательные, всхлипы. Против собственной воли я, будто пойманный в ловушку зверь, покоряюсь ему — умелому охотнику.

— Жаль, что я так быстро ушёл, — он в опасной от меня близости, я чувствую его дыхание на щеке, — я бы мог дольше насладиться твоим выражением лица, видом моей спермы в уголках твоих губ... — прижимается сильнее, наглее, и снова — ладонью, пальцами — ласкает, заводит, не даёт увернуться. Стойко выдерживаю, снова с закрытыми глазами — не хочу, не хочу его видеть рядом.

И когда его губы — дразнящие, властные — накрывают мои, я обмякаю в его руках, ощущаю дрожь в коленях, пропускаю в свой рот его сильный язык, я ловлю его стон сквозь этот поцелуй и осознаю — ему всё равно нравится, ему нравится, что он здесь, со мной, и может делать, что хочет. Он заигрывает с моим языком, пытаюсь вызвать во мне ответную реакцию, он возбуждён, его тело манящее, горячее, и моё сознание перебирает все варианты того, что он может здесь со мной сделать. И я не без доли иронии понимаю, что любой из этих вариантов вряд ли уже меня испугает.

— Это было нечестно — оставить тебя так. — Он снова ощутимо давит ладонью на моё пульсирующее естество под брюками. — Я хочу это исправить.

Я ухмыляюсь про себя — любопытно, как? Как он собирается это исправлять? Отдастся мне? Смешно, он не из таких. Позволит мне кончить от его рук? Это уже более вероятно, хотя всё равно немного странно.

Его руки ослабляют ремень моих брюк, расстёгивают молнию... Первое же прикосновение кончиков его пальцев к моей восставшей плоти даже через ткань белья вызывает во мне сладостную дрожь... Я инстинктивно чуть подаю бёдрами вперёд, он лишь тихо смеётся, шепчет:

— Не всё сразу.

Пальцы исследуют меня, уже освобождённого от пут чёрных боксеров, аккуратно, даже нежно, от основания до конца, слегка сжав. Я чувствую своё сбивчивое дыхание, снова — стон, его губы, что целуют меня, и теперь я с готовностью отвечаю, отзываясь на грубоватый напор его языка всем своим существом. Оторвавшись от моих губ, он ласкает мою шею, осыпая её поцелуями, и притом не прекращает своих плавных движений ладонью по моему стволу.

— Позволь мне... — шепчет он, и меня удивляет эта фраза, я открываю глаза и смотрю на него — дрожащего от возбуждения, с лихорадочным, умоляющим блеском в льдистой радужке, он

просит меня и взглядом тоже. — Позволь поласкать тебя ртом. — Выдыхает, глядя на меня — взволнованный, кажется, не меньше, чем я.

Позволить? Почему я, стоящий перед ним со связанными руками, должен ему что-либо позволять? Я судорожно сглатываю, облизываю пересохшие губы, осознание собственной неожиданной власти внезапно опьяняет, и я молчу, обескураженный, сбитый с толку...

Почему, почему же он просит у меня разрешения? Тем не менее, это весьма возбуждало — властный охотник умоляет свою жертву о чём-то...

Он по-прежнему выжидающе смотрит, ему нужен ответ. Я медлю и раздумываю. Возможно, если я откажу ему, то всё закончится. Он застегнёт обратно мои брюки и рубашку, поправит пиджак и отпустит восвояси. Или же разозлится и возьмёт своё силой. Во второй вариант развития событий мне верилось гораздо больше, чем в первый.

Из-за дикого сексуального напряжения, что на самом деле весьма мешало думать головой и требовало выхода, и из соображений собственной безопасности, я кивнул в знак одобрения его действий, и он — тот, что полчаса назад занимался сексом с моей женой, — встал передо мной на колени.

Он был мягок. Никаких резких движений — всё размеренно и нежно, и так возбуждающе... Я застонал, когда моя плоть наполовину проникла в гостеприимный рот моего мучителя, и выгнулся, когда она заполнила его всего. Поначалу он ублажал меня размеренно, никуда не спеша, своими губами вызывая во мне бесконечную бурю эмоций. Я дрожал под его языком, всё моё существо вибрировало, опираясь о стену, я кусал губы, но смотрел, смотрел на него, пытаюсь понять, что же нового я хочу там увидеть, смотрел, как он доставляет мне удовольствие, на его губы... Он был сосредоточен на мне, слышал мои тихие стоны, временами поглаживал мои бёдра, и начал уже свою игру вместо приятных, неторопливых ласк — быстро-быстро двигал губами, а затем снова издевался, очень медленно лаская меня. От всего этого я несколько раз доходил до пика, но он не давал мне отдыха, мучил меня, издевался, проходя вдоль вен языком, снова и снова доводя меня до предела. Я тяжело дышу, чувствуя, как пот стекает между моих лопаток, как рубашка липнет к коже, мне жарко и будто не хватает воздуха, но это заботит меня меньше всего. Я начинаю снова подавать бёдрами навстречу, но он мягко охлаждает мой пыл, сжав мои ягодицы и немного отстраняясь. Ему хочется самому управлять моим удовольствием, и мне ничего не остаётся, как довериться ему. Он. На коленях. Волосы падают ему на лоб, мешая, но он убирает их движением руки, руками, кстати, он ни разу не коснулся меня — только бёдра, и иногда — ягодицы, остальное было во власти его губ и языка. Идея связать мои руки уже не казалась мне такой дикой, ведь если бы они были свободны, я бы точно взял его за волосы, и за меня бы говорила только моя похоть. Он — на коленях. Кто бы мог подумать? И тут я замечаю, как одной рукой он удовлетворяет себя — быстро, порывисто, даже в некотором роде грубовато, он возбуждённо дышит, не прерываясь ни на секунду от своего основного занятия, и я смотрю, как он делает это, как его заводит то, что он делает со мной... Необычное, весьма возбуждающее зрелище — резкие, порывистые движения, себя он явно не жалел, как-то остервенело самоудовлетворяясь, изредка кратко постанывая сквозь свой своеобразный живой кляп. Я даже невольно залюбовался этим зрелищем, забыв на миг, кто мы и что мы делаем. Пальцы его вели свою особую жестокую игру с его собственным телом — сдавливали, трясли, сжимали — думаю, иногда до сладостно-отрезвляющей боли, чтобы не прийти к финишу раньше времени, не дойти до пика, пока не удовлетворится твой партнёр. Это самопожертвование, странный акт

некоего подобия альтруизма даже удивил меня, задев какие-то струны человечности внутри. Было что-то запретно-притягательное в нём, стоящим на коленях, в одежде, и с ладонью, ласкающей его собственную возбуждённую плоть... Я вспомнил, как касался её руками, губами, я вспомнил бугры вен под пальцами, его вкус. Как это было странно тогда, и в то же время так необычно и ново, неожиданно даже для меня, притягательно... Как я смог тогда отбросить все условности, все предрассудки, и просто наслаждаться происходящим?... Как, допустим, сейчас — его игрой с собой, он завораживал меня своими действиями, то жёсткостью, то неторопливостью. И при этом ни на секунду не отвлекаясь от меня, чётко регулируя темп, глубину и нажим, причём, так умело, так удивительно внимательно, невзирая на свою усталость... Как бы я ни хотел себя дольше сдерживать, пелена неги всё-таки застилает мой разум, так что я, отбросив всякое стеснение, уже почти непрерывно стонал, прикрыв глаза от удовольствия. Чувствительность рецепторов возросла за счёт того, что он никак не давал мне разрядки, и всё, что он делал, отзывалось во мне, втроекратно усиливаясь... Я, наконец, пытаюсь снова снять с себя напряжение, чувствую, что долго не выдержу, непроизвольно подаю бёдрами навстречу его движениям, и уже не встречаю с его стороны никаких препятствий. Его движения сразу стали резче, сильнее, он доводит меня до иступления, и я, задрожав, выдыхаю своё последнее: — Ах! — захлебнувшееся на пике страсти, что охватила меня.

До боли закусив нижнюю губу, чтобы не кричать слишком громко, я дрожал в его руках, метался, пока полностью не иссяк, и судороги перестали лихорадить мои бёдра... Он не отпустил меня, пока я не успокоился окончательно, бессильно опираясь на стену, и закрыв глаза. Когда я открыл их, он всё ещё был на коленях, и на полу виднелись влажные мутные следы — жаль, я пропустил тот момент, когда спровоцировал его наслаждение... Он улыбался мне, глядя в глаза, молча, его улыбка означала моё падение, и его победу, но я не ответил на неё, предпочитая упереться затылком в стену. Я чувствовал, как его руки мягко поправляют мою одежду: молния, пуговица, ремень... У меня не было ни сил, ни желания сопротивляться, пусть делает, что считает нужным. Поднявшись с колен, он тотчас впился в мои губы влажным, пряным от моей спермы, поцелуем, глубоким и долгим, снова играя с моим языком, но я отвечал ему как-то механически, уставший, наверное, от его настойчивого внимания, или от опустошающего оргазма... Оторвавшись от меня, он принялся деловито застёгивать мою рубашку — с таким видом, будто готовил меня к какому-то важному приёму, и я безучастно наблюдал за его действиями. Наконец, он освободил мои руки, и вернул пиджак на место. Застегнул на одну пуговицу, стряхнул невидимые пылинки...

— Вот, — произнёс он, немного удивлённый моим молчанием, — готово.

Я стоял, не произнеся ни слова, и просто смотрел на него. И почему он имел какое-то ужасное, фактически разрушительное влияние на мои мысли? Что же было в нём такого страшного? Бояться стоило только себя, и в этом я убедился ещё раз. Мне захотелось сразу уйти, но его рука вдруг преградила мне путь.

— Что случилось? — участливо поинтересовался он. Ему, конечно, не понять, как я в данный момент мучился угрызениями совести за то, что поддался ему. Возможно, это и глупо, конечно, ибо моя жена постоянно развлекается с другими, а я позволил себе слабость лишь несколько раз, но мне казалось, что в нашей семье хотя бы кто-то должен не терять голову.

— Ничего. — Мой ледяной тон говорил о том, что я не желаю вступать с ним ни в какие дискуссии. — Дай мне пройти.

— Нет. — Сказал, будто так и должно быть. Будто это самая естественная вещь на свете — меня не отпускать. Я пожал плечами и отвернулся от него, ибо его всепроникающий взгляд начинал меня смущать. Он наклонился к моему уху, но всё это время я видел лишь бледность его длинных пальцев, пальцев, которыми он доставлял себе удовольствие, пока ласкал меня... Пальцев, на которых успели высохнуть капли его влаги...

— Я должен поблагодарить тебя... — шепнул он, нежно лизнув мочку моего уха. Я вздрогнул от прикосновения его влажного языка. — Благодарю, что позволил мне сделать это... — Его прерывистое дыхание согревало кожу. — Спасибо.

Видимо, он ждал какого-то ответа от меня, реакции. Но я совершенно не знал, что сказать в такой ситуации. «Не за что»? «Всегда пожалуйста»? «Рад помочь»? Чёрт возьми, какой цирк, как же всё это нелепо... Поэтому я лишь снова пожал плечами. Он посмотрел мне в глаза — они заглядывали мне в душу, сковывая льдом. Синие глаза — тёмная радужка при таком освещении, красивые, с тёмными ресницами, по-египетски удлинённое верхнее веко... Он гипнотизировал меня ими, и я, словно замороженный, смотря в них, падал, тонул в этом океане, пытаюсь узнать, понять, что же он таит в себе. Хочет вывернуть мою душу наизнанку этим взглядом? Любопытно, что он в них видит — смятение, гнев, озлобленность, осадок вожделения?

— Не мучай себя. — Вдруг произносит он, убирая руку. — Я и вправду рад доставить тебе удовольствие, не думаю, что это может считаться изменой или слабостью плоти с твоей стороны. — Он рассуждал так здраво, стоя напротив меня, что я почти начинал ему верить. — Я исправил несправедливость, ибо из всех троих ты один ничего не получил, и мне очень не хотелось это так оставлять.

Простое и понятное объяснение всему происшедшему, предельно логичное и адекватное, к тому же. А я тут стою перед ним и мучаюсь непонятно отчего, рассуждая на какие-то более веские темы, проникая глубже туда, куда не стоит даже ступать... Не сейчас, не в этом случае.

— Да. — Я нехотя признал своё поражение в схватке эмоций с разумом. Скорее, потому, что мне самому надоело терзаться чем-либо. — Возможно, ты прав.

И, пройдя мимо него, оставив его наедине с моим образом, я пошёл на поиски моей жены, что наверняка беспокоилась, заметив моё долгое отсутствие. Я нашёл её лежащей на кресле, а между её раскинутых бёдер трудился какой-то мужчина. Любимая, откинувшись на спинку, наслаждалась, подставляя себя чужому языку, который, нужно сказать, был весьма старателен.

Вид моей полуобнажённой благоверной был прекрасен, она всегда так естественна в этот момент, так невинна и в то же время ненасытна. Красивая, получающая удовольствие, женщина... Что может быть прекраснее?

Я взял её руку, поцеловал запястье... Миг — и вот я целую её шею, ключицу, моя ладонь ложится на её грудь. Она постанывает — разморенная, чудесная, моя...

— Где ты был... — выдыхает она. — Так долго?

Лично я не был до конца уверен, что она заметит это, в такой-то компании, но мне было приятно, что она заметила, что меня нет рядом. Я целую её вместо ответа. Её партнёр замечает меня, но не останавливается ни на секунду. Мне нравится этот момент, он весьма новый для нас, ещё никогда я не касался её, пока она была с другим. Дыхание её участилось, я коснулся чувствительного бугорка соска языком... Она застонала и выгнулась навстречу моим губам, по звукам, издаваемым невольным третьим партнёром, я понял, что он активнее

взялся за дело, и сам взял в ладони обе её груди. Мягкая, нежная кожа под моими пальцами, твёрдость тёмных сосков под моими губами... Она извивалась под нами, под нашим безжалостным натиском, просила сильнее, явно жаждала, чтобы кто-нибудь из нас вошёл в неё. И мужчина, что трудился над истекающим соками лоно, был готов исполнить её жгучее желание, но я жестом остановил его. Он непонимающе посмотрел на меня, а я... Не знаю, что овладело мной в тот момент — демон страсти, демон вожделения или это проснулась моя доминирующая натура, но я пригнул его голову обратно, надавив рукой на шею, и затем направлял его, положив ладонь на его затылок. Мягкие светлые волосы мужчины под моими пальцами, его старание, вздохи моей жены — всё слилось в единый неразрывный ком, и я наслаждался властью над ними обоими. Над моей благоверной, что не могла никак получить свой оргазм, поскольку я управлял темпом и глубиной проникновения языка мужчины, что оказался так некстати на пути моего желания поэкспериментировать. Я видел, как он возбуждён, видел, как топорщатся брюки, как рука изредка касается паха. Мне вдруг захотелось большего. Наверное, разум мой совершенно уснул в это мгновение, раз позволил мне такую вольность.

— Освободи его. — Сказал я ему, когда он снова опустил руку вниз, но при этом не дал ему оторваться от своего основного занятия.

Мне было очень интересно, любопытство гнало вперёд. Наверное, только им и обуславливались все мои действия. Я смотрел, как мужчина торопливо расстёгивает молнию, как освобождает от оков белья свой орган, как не спеша проводит ладонью вверх-вниз по чуть изогнутому вверх стволу. Меня это устроило, но захотелось немного усложнить игру.

— Убери руку.

Ладонь послушно убралась с восставшей плоти, и уперлась в подлокотник кресла. Это меня вполне устроило. Было странное ощущение. Будто я заставляю его делать это, словно бы против его воли. Однако, это было не так, он с радостью принимал мои правила игры — отзывался на движения моей руки, не пытался удовлетворить себя, не сопротивлялся и внимал моим словам. А я входил во вкус всё больше.

— Давай, — говорил я, — пройдишь по её губкам, ей это нравится. Подразни вход, пусть помучается... Вот так, уже лучше.

Моё одобрение было для него словно кость для голодной собаки — он становился ещё внимательнее, ещё усерднее. Я мог видеть, как раскрытые малые губки принимают между ними его проворный язык. Жена стонала в голос, подавая бёдрами навстречу, и её стоны были для меня словно музыка.

Я провёл рукой по его спине. Мужчина выгнулся — с готовностью, приглашающе. Я ухмыльнулся, увидев его стремление к удовольствию, но мне пришлось его разочаровать — оргазм, подаренный мне губами моего невольного знакомца, ещё напоминал о себе слабостью в мышцах. И я не хотел, чтобы он касался меня, управлять им было куда интереснее.

Я потянул его за волосы выше, призывая поласкать клитор моей любимой. Он подчинился, и вскоре жену сотряс первый оргазм.

— Так, теперь остановись. — Я убираю его лицо от мокрого лона супруги.

Он облизывает губы — возбуждённый, вожделеющий, но не пытается что-то сделать без моего разрешения. Молча стоит на коленях, не смотрит на меня, опустил светловолосую голову. Молод — скорее всего, лет на пять младше нас, любопытно, что именно привело его сюда... Вижу обручальное кольцо на его пальце. Этот оборот увлекает меня ещё сильнее.

— Поласкай себя. — Говорю я.

Его рука неуверенно касается упругой плоти, обхватывает, он тихо выдыхает, прикрывает глаза... Не торопится, даёт себе насладиться каждым мгновением. Я смотрю на это зрелище, и сам чувствую, как меня заводит вся ситуация, я поглаживаю его по волосам, пальцами касаюсь щеки, провожу ладонью по подбородку, шее. Он отзывается на мои касания, я чувствую, как он прижимается к моей руке. Супруга, отдыхая, смотрит на нас, я вижу по её глазам, что ей хочется продолжения. Движения его руки по стволу члена ускорились, и я приподнимаю его за подбородок, провожу большим пальцем по его приоткрытым губам, его готовность ко всему завораживает... Он смотрит на меня серыми глазами, и я киваю в сторону жены:

— Она хочет тебя. — Он смотрит недоверчиво на супругу, молчит, и всё ещё не предпринимает никаких действий. Я слегка подталкиваю его к ней. — Давай же.

Он входит в неё плавно, мягко, моя благоверная моя тихо вздыхает от волн удовольствия, нетерпеливо двигает бёдрами навстречу. Он останавливается в нерешительности, войдя до конца, я подхожу к ним ближе...

— Резче. — Говорю я ему, проведя рукой по его спине. Он в рубашке — я ведь не говорил, что он может раздеться полностью. — И темп быстрее.

Выполняет, двигается резко, моя жена застонала, выгнулась... Сейчас я как никогда близко, не на расстоянии, впервые не наблюдатель, а участник происходящего, я чувствую, как он напряжён, как она возбуждена. И управляю процессом.

Могу позволить ему кончить. Могу не позволять. Могу немного помучить мою благоверную, и оттянуть её удовольствие. Могу оставить их обоих и уйти... Или довести их до исступления. Их желания зависят от моих желаний.

Мужчина двигается ещё резче, входит в азарт, касается её груди и тут же кидает на меня вопрошающий взгляд. Я киваю, позволяя, и он принимается с энтузиазмом поигрывать с её сосками. Жена близка к оргазму, да и её партнёр, по всей видимости, тоже. Но ему мешала одежда.

— Сними рубашку. — Говорю я. Он останавливается, расстёгивает пуговицы, путается, волнуясь, и я прихожу ему на помощь. Он скидывает рубашку с плеч, я легко касаюсь их — кожа влажная от испарины. Необычное ощущение — прикоснуться к тому, кто сейчас, в данный момент, занимается сексом с твоей женой. Я прошёлся по его спине до изгиба поясницы, слегка надавливая ногтями. Его стоны стали громче.

— Давай, — шепчу я ему, — давай, ещё сильнее... Видишь, как ей нравится? Потяни чуть-чуть за соски, покрути их... Вот так. Слышишь, как она стонет? Молодец... — Подбадривал его я. — Ещё, ещё немного. — Мои пальцы путались в его светлых волосах, мне нравилось тянуть за них, лёгкой болью остужая его пыл. Мне хотелось, чтобы сначала кончила моя жена, а не он.

Его фрикции совсем скоро станут рваными, долго он не выдержит. Поэтому я мягко положил одну его ладонь на её чувствительный бугорок.

— Поласкай его, мягко, круговыми движениями. — Мужчина послушно принялся выполнять, жена задышала чаще. — Так, немного увеличь нажим и темп.

Стимуляция позволит супруге испытать ещё один яркий оргазм. А вот мужчине не повезло. Ему нужно держаться до последнего, чтобы потом получить свою порцию удовольствия.

— Ты не должен кончить раньше неё. — Сказал я. Он молча кивнул.

И, что важно, я ещё не решил, каким будет его оргазм. Возможно, я позволю ему кончить

внутри неё, или наоборот, не позволю. Интересно распоряжаться другими в этом аспекте, никогда до сегодняшнего дня не приходилось этого делать. Партнёр моей жены мягко ускорился, моя любимая дышала всё чаще, всё громче постанывала, и наверняка должна была скоро прийти к разрядке. Они оба выглядели так гармонично, так возбуждающе, он — в брюках, в ботинках, рубашка небрежнокинута на подлокотник, она обнажена, её платье было сложено на спинке кресла. Он не решался её поцеловать, а я не стал его подначивать. Мне было важно, что он, несмотря на своё удовольствие, следит за моими указаниями. И ему нравится, что моя рука поглаживает его спину, иногда собирает волосы на затылке. Мне и самому нравится это ощущение, нравится, что я не просто наблюдатель. В брюках становится тесновато... Это заставляет меня делать то, что я обычно не делаю.

— Да, — шепчу, наклонившись к его уху, — так... Быстрее.

Он слушается, резко ускоряясь, и жена стонет ещё громче. Через минуту она выгибается, заходясь в оргазме, и её партнёр, кажется, не выдерживает тоже. С громким стоном он доходит до пика, крепко прижавшись к её бёдрам. Впрочем, пока всё идёт по моему плану, если бы я этого не хотел... Хотя...

Я вспомнил, как в единственной наблюдаемой мной сцене БДСМ-акта Верхний наказывал за преждевременный оргазм. Каждому, впрочем, доставалось что-то своё, но всегда доставалось. И я вспомнил нижнего из той семейной пары... Очень кстати было это воспоминание.

Они успокаиваются, он выходит из неё, надевает рубашку...

— Не так быстро. — Он останавливается, смотрит на меня удивлённо, я ладонью за шею нагибаю его обратно — к разгорячённому мокрому лону. — Убирай за собой.

Он в смятении. Был уверен, что мы просто немного поиграли, и всё, что ему не придётся пить собственную сперму. Пришлось его разочаровать.

Неуверенный, касается её, снова его язык в ней, и он старательно — я ведь внимательно слежу за этим — работает им. Любимая снова возбуждается, постанывая, и мне хочется, чтобы она в третий раз дошла сейчас до оргазма. Поэтому моя рука снова ложится на его затылок.

Уже привычно подбадриваемый мной, он ласкает её, вычищает каждую складочку от собственных выделений, смешанных с её соками. Поглаживает её бёдра, и она стонет, и голос её теряется в фоновой музыке и аккомпанементе других голосов. Он сам начинает возбуждаться — я чувствую, как он прижимается к моей руке, возможно, ему хотелось бы, чтобы я обращался с ним грубее... И он это получил: наклонившись к нему ближе, я сильнее вцепился в мягкость этих волос и шепнул:

— Ну что, нравится быть чьей-то игрушкой?

Он отрывается на миг, чтобы выдохнуть тихое, еле слышное «Да», и, подталкиваемый мной уже сильнее, продолжает.

— Старайся лучше. — Говорю я, прижимая его лицо к её алым губкам.

Жена, тем временем, стонала чуть громче, вцепилась в спинку кресла. Она была очень красива — здесь, под чужим мужчиной, что умело доставлял ей удовольствие, она была прекрасна той удивительной красотой, что излучает удовлетворённая женщина. Прошло несколько минут, и она выгнулась, подаваясь навстречу его языку.

Он почистил всё. Дочиста. В этот раз мне даже не пришлось напоминать ему об этом, он всё сделал сам. Я позволил ему подняться с колен, и он стоял подле меня близко-близко, несколько долгих секунд он не решался поднять на меня глаза. А затем посмотрел... Он был немного ниже меня, несколько крупнее по телосложению, светлоглазый, с полными губами,

на которых ещё блестели капли влаги... От него веяло её запахом, сексом, возбуждением, и он покорно ждал, что будет дальше.

Я улыбнулся:

— Молодец. А теперь шагай.

Сказать, что он был разочарован — ничего не сказать. Но, тем не менее, ему пришлось уйти. Лично с меня этого вполне хватало.

Я посмотрел на жену. В порыве одеться, она стащила со спинки кресла платье, но, видимо, вставать ей не очень хотелось. Тонкая ткань покоилась на бёдрах.

— Ты как?... — глупый вопрос, разумеется. Но я чувствовал потребность его задать.

— Хорошо, — она томно улыбнулась, — очень хорошо. Ты удивил меня.

— Правда? — я наклонился и поцеловал её. — Мне это всё-таки удалось.

— Тебе было приятно?

— Не без этого, разумеется. — Признал я. — Мне понравилось им руководить.

— И мне понравилось, как ты это делаешь... — Она снова потянулась к платью. — Поедем?

Я кивнул и помог ей встать.

Впечатлений на сегодня с нас обоих было достаточно.